

DOI 10.35775/PSI.2025.124.12.021

УДК 32.323

П.Ю. РОВЧАК

кандидат политических наук,
Россия, г. Москва

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И ПРИОРИТЕТЫ УКРЕПЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ РОССИИ

Современная архитектура международных отношений переживает период глубоких тектонических изменений, соизмеримых по масштабу с распадом Вестфальской системы. Данная трансформация характеризуется окончательным исчерпанием потенциала однополярной модели и переходом к полицентричному порядку. Процесс сопровождается острым конфликтом между либерально-демократическим универсализмом и реальностью культурно-исторического многообразия мира, что требует переосмысления теоретических подходов к международной безопасности. **Целью** настоящего исследования выступает комплексная системная реконструкция основ формирующегося миропорядка, разработка долгосрочных сценарных моделей его эволюции на горизонте до 2040 года и определение на их основе стратегических приоритетов укрепления субъектности России.

Работа направлена на выявление возможностей сосуществования различных ценностных систем в условиях радикального изменения стратегий ведущих геополитических акторов. Методологический аппарат исследования базируется на синтезе системного подхода и сравнительного дискурс-анализа актуальных доктринальных документов России, Китая, США и стран Глобального Юга. В ходе исследования выявлены глубинные противоречия между западной концепцией «порядка, основанного на правилах» и формирующейся полицентричной моделью, опирающейся на суверенитет государств-цивилизаций. Проанализирован переход США к доктрине «Америка прежде всего 2.0» и «Королларию Трампа», легитимизирующим жесткий меркантилизм. Уточнена роль БРИКС как лаборатории нового миропорядка и фактора вторичной деколонизации Мирового большинства.

Обоснован тезис об объективном и необратимом характере перехода к мультиплексной реальности. На основе сценарного моделирования сформулированы приоритеты укрепления субъектности России. Сделан вывод о необходимости конвертации цивилизационной идентичности в технологический и финансовый суверенитет.

Ключевые слова: мировой порядок, полицентричность, мультиплексность, государство-цивилизация, БРИКС, Глобальный Юг, вторичная деколонизация, полифония, субъектность России.

Введение. Современная архитектура международных отношений переживает период глубокого тектонического сдвига, сопоставимого по своим масштабам с разрушением Вестфальской системы или завершением биполярного противостояния середины двадцатого века. Однополярный момент признается исторически исчерпанным, поскольку попытки коллективного Запада утвердить универсальность либерально-демократической модели столкнулись с реальностью культурно-исторического многообразия мира. Представляется важным подчеркнуть, что текущий транзит характеризуется острым конфликтом между стремлением Вашингтона сохранить доминирование через доктрину «Америка прежде всего 2.0» и объективным процессом суверенизации новых центров силы.

В научном дискурсе этот транзит часто описывается терминами «многополярность» или «фрагментация», однако эти понятия не всегда точно отражают сущность процесса, так как простая множественность центров силы без выработки новой этики взаимодействия чревата хаосом. Актуальность настоящего исследования продиктована необходимостью выработки новой теоретической модели, объясняющей возможности сосуществования различных ценностных систем в условиях, когда с одной стороны США и их сателлиты стремятся законсервировать уходящую гегемонию посредством силового, экономического и информационного давления, а с другой – набирает силу объективный процесс суверенизации новых центров силы и укрепления государств-цивилизаций, требующих равноправного участия в глобальном управлении. Научная новизна работы заключается в интерпретации полицентричности не как состояния хаоса, а как системы устойчивых государств-цивилизаций, способных к диалогу на основе онтологического суверенитета, концептуализации «полифонического мира» как нормативной антитезы монологическому Pax Americana и введении понятия «вторичной деколонизации» для объяснения стратегий Глобального Юга. Целью статьи выступает системная реконструкция основ нового миропорядка и разработка сценарных моделей его эволюции до 2040 года. Достижение этой цели реализуется через призму анализа стратегического планирования России, Китая, США и стран Глобального Юга, при этом выбор акторов обусловлен их ролью в качестве центров глобальной трансформации. Методологический аппарат исследования базируется на синтезе системного подхода и дискурс-анализа, позволяющего проследить эволюцию внешнеполитических установок от попыток интеграции в западные структуры до строительства Большой Евразии и реализации стратегий мультиприсоединения.

Эволюция теоретических подходов к архитектуре международной безопасности и концептуальные основы полицентричности. Классическая теория международных отношений, долгое время опиравшаяся на концепты баланса сил и структурного реализма К. Уолтца, в современных условиях сталкивается с серьезным дефицитом объяснительных моделей. Традиционный подход, рассматривающий международный порядок исключительно как производную от распределения военной мощи, не позволяет в полной мере объяснить

феномен устойчивости незападных центров силы в условиях жесткого системного давления со стороны гегемона. В свою очередь либеральный институционализм окончательно дискредитировал себя практикой двойных стандартов и использованием экономических связей в качестве геополитического оружия.

В сложившемся теоретическом вакууме особую эвристическую ценность приобретает концепция мультиплексности, описывающая современный мир как сложную многоуровневую систему с распределенным и ситуативным лидерством. Российская политическая мысль фиксирует этот транзит через категорию полицентричности, которая предполагает наличие устойчивых и ответственных центров силы, способных выработать правила глобального общежития на основе подлинного диалога.

Важнейшей теоретической новацией последнего десятилетия выступает возвращение в научный и политический дискурс цивилизационного подхода, где на смену унифицированному национальному государству вестфальского типа приходит концепт государства-цивилизации. Данное образование характеризуется не столько этнической гомогенностью, сколько наличием уникального культурного кода, собственной исторической судьбы, масштабностью пространства и устойчивостью к внешним идеологическим воздействиям. Россия в своей доктринальной базе официально закрепила за собой статус самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, что является фундаментальной заявкой на обретение онтологического суверенитета и отказом от попыток встраивания в чуждые ценностные проекты. Аналогичные процессы наблюдаются в Китае и Индии, где политические элиты все чаще апеллируют к тысячелетнему наследию при формировании образа будущего.

В данном контексте категориальный аппарат дополняется введенным в оборот Президентом России В.В. Путиным понятием «полифонии». Заимствованный из теории музыки и литературы (работы М.М. Бахтина о поэтике Достоевского [2]), этот концепт описывает мироустройство, в котором множество самостоятельных и неслиянных голосов звучат одновременно, не сливаясь в унисон и не подчиняясь одному дирижеру. Это прямая антитеза монологическому миру Рах Америгана, который не терпит инакомыслия и стремится заглушить любые альтернативные мнения. Полифонический мир представляет собой мир сложной гармонии равноправных сознаний, рождающейся из их диалога, где истина не является монополией одного актора, а раскрывается в процессе взаимодействия множества суверенных субъектов.

Теоретический анализ современного момента невозможен без осмысления феномена, который можно охарактеризовать как «вторичная деколонизация». Если первый этап освобождения в середине XX века принес странам Азии и Африки формальный политический суверенитет, то нынешний этап направлен на обретение подлинной экономической, ментальной и цивилизационной независимости. Современные неокOLONIAльные практики, реализуемые через механизмы финансового контроля, технологические монополии

и навязывание «зеленой» повестки, сдерживают развитие стран Глобального Юга не менее эффективно, чем прямая колониальная администрация прошлого. Именно поэтому концепция «порядка, основанного на правилах» вызывает отторжение у Мирового большинства, так как она воспринимается как попытка сохранить иерархическую структуру «центр-периферия», где правила пишутся в Вашингтоне и Брюсселе, а исполняются в остальном мире.

Представляется важным отметить, что принятая в ноябре 2025 года Стратегия национальной безопасности США фактически подтверждает этот сдвиг, провозглашая приоритет национальных интересов и открыто отвергая транснационализм, стремящийся растворить суверенитет государств. Американская доктрина прямо отвергает зеленую повестку и идеологию чистых нулевых выбросов, рассматривая ее как инструмент, наносящий ущерб экономике Запада и субсидирующий его противников. В противовес западным правилам Россия и Китай предлагают вернуться к духу Устава ООН как единственному легитимному источнику международного права, закрепляющему суверенное равенство всех субъектов.

Сравнительный анализ стратегических нарративов ключевых мировых акторов. В рамках сравнительного анализа доктринальных установок ведущих держав представляется важным выделить фундаментальную эволюцию внешнеполитической стратегии Российской Федерации, совершившей переход от попыток интеграции в западные институты к строительству Большой Евразии и укреплению связей с Мировым большинством [4. С. 1; 9. С. 1]. Ключевым императивом российской политики стало обеспечение национального суверенитета во всех его измерениях, включая политический, экономический и цивилизационный аспекты. Москва исходит из того, что период доминирования Запада завершен бесповоротно, и главной задачей является создание условий для мирного и безопасного развития в эпоху глобальной турбулентности, при этом Россия позиционирует себя не как идеологического гегемона, а как гаранта равновесия и защитника традиционных ценностей.

В обновленной Концепции 2023 года провозглашается цель формирования справедливого и устойчивого мироустройства на принципах суверенного равенства и неприятия любой формы гегемонии. Россия последовательно отстаивает верховенство международного права в лице Устава ООН, отвергая неоколониальные практики и санкционное давление, что находит отклик у многих стран Глобального Юга, стремящихся отстаивать свое цивилизационное достоинство. В экономической сфере стратегия опирается на диверсификацию связей и создание независимых от Запада механизмов расчетов, логистики и страхования, что наполняет конкретным содержанием поворот на Восток и Юг через развитие транспортных коридоров «Север-Юг» и расширение энергетического сотрудничества [7. С. 134; 9. С. 1].

Данный подход находит свое отражение в тесном взаимодействии с Китайской Народной Республикой, чья стратегия базируется на концепции Сообщества единой судьбы человечества и продвижении триады глобальных инициатив в сферах развития, безопасности и цивилизации [3. С. 37; 9. С. 1],

которые в совокупности формируют основу китайского видения мира как альтернативы западному альянсовому мышлению. В документе, разъясняющем Инициативу глобальной безопасности, Китай акцентирует внимание на неделимости безопасности и отказе от менталитета холодной войны, последовательно критикуя односторонние санкции и экстерриториальную юрисдикцию США.

Особый интерес представляет китайская модель «многополярной связности», которая предполагает создание плотной сети инфраструктурных, торговых и цифровых связей, делающих конфликт экономически невыгодным. Проект «Один пояс, один путь» выступает материальным воплощением этой философии, трансформируя экономическую географию Евразии и Глобального Юга. При этом Пекин все чаще сталкивается с необходимостью защищать свои зарубежные интересы, что ведет к постепенной секьюритизации его внешней политики. Китай предлагает мировому сообществу своеобразный «многополярный глобализм», основанный на равенстве суверенных центров силы, связанных прочными экономическими узами, что выгодно отличает этот подход от конфронтационной риторики Запада [4. С. 140; 9. С. 1].

В данном контексте трансформация западного центра, зафиксированная в Стратегии национальной безопасности США от ноября 2025 года, знаменует собой окончательный отказ от глобалистских иллюзий в пользу прагматичной парадигмы «Америка прежде всего 2.0», ориентированной на защиту суверенитета и восстановление индустриальной мощи [15. С. 2]. Вашингтон провозглашает Королларий Трампа к доктрине Монро, который подразумевает жесткое отстаивание интересов США в Западном полушарии и вытеснение оттуда внешних игроков. Подобная трансформация имеет колоссальные последствия для всей системы, так как США де-факто переходят к праву сильного, используя доллар и технологии как оружие даже против партнеров, что подтверждает тезис о превращении Вашингтона в главный источник ревизионизма в мировой политике [15. С. 15].

Наглядной демонстрацией принципа «мира через силу» является урегулирование при посредничестве американцев восьми застарелых региональных конфликтов и проведение ими операции «Midnight Hammer» по деградации ядерного потенциала Ирана [15. С. 2, 8]. Одновременно с этим Соединенные Штаты пересматривают условия своих альянсов, вводя новый стандарт Гаагского обязательства, требующий от союзников по НАТО повышения оборонных расходов до пяти процентов от валового внутреннего продукта [15. С. 12].

На этом фоне Европейский Союз демонстрирует прогрессирующую утрату субъектности, балансируя между декларациями о многосторонности и реальностью вассализации. Концепция открытой стратегической автономии наталкивается на жесткие реалии геополитики, где разрыв кооперационных связей с Россией фактически превратил ЕС в региональный сегмент западного блока, лишив европейскую промышленность прежних конкурентных преимуществ [3. С. 42; 4. С. 156], а давление Вашингтона заставляет сворачивать выгодное сотрудничество с Китаем. В результате ЕС рискует превратиться из самостоятельного

центра силы в региональный сегмент западного блока, утрачивая свою привлекательность для Глобального Юга и возможность формировать глобальную повестку [12. С. 1; 14. С. 1].

Возрастающая субъектность стран Глобального Юга выступает самостоятельным фактором формирования нового порядка, где Индия и Бразилия реализуют стратегию мультиприсоединения, балансируя между западными форматами и активным членством в БРИКС [13. С. 12]. Страны Африки, опираясь на «Повестку 2063», всё более жестко артикулируют требования реформы Совета Безопасности ООН и перехода к справедливой экономической модели в рамках политики вторичной деколонизации [7. С. 87; 11. С. 1]. Аналогичные процессы наблюдаются в Латинской Америке, где страны стремятся к консолидации через механизмы CELAC и MERCOSUR для превращения региона в коллективного актора, способного отстаивать свои интересы перед лицом давления со стороны Вашингтона [3. С. 47; 4. С. 171].

Результаты сравнительного анализа стратегических документов крупнейших акторов позволяют сделать вывод о том, что ключевым критерием успеха в полицентричном мире становится способность государств конвертировать цивилизационную идентичность в реальный технологический и финансовый суверенитет.

Институционализация полицентричности и глобальная миссия БРИКС как лаборатории нового миропорядка. Анализ процессов институционального оформления новой международной реальности позволяет рассматривать БРИКС не в качестве классического антизападного блока, а как принципиально «незападную» структуру, предлагающую сетевой принцип интеграции и консенсусный механизм принятия решений [1. С. 37; 7. С. 160]. Расширение объединения, юридически оформленное на саммитах в Йоханнесбурге и Казани, ознаменовало качественную трансформацию структуры из консультативного клуба в мощную геополитическую платформу, способную выступать прототипом инклюзивной матрицы мироустройства [5. С. 75; 8. С. 1]. В данном контексте БРИКС функционирует как лаборатория взаимодействия цивилизационно различных акторов, где отрабатываются модели сотрудничества вне гегемонистских рамок и жесткой иерархической дисциплины [8. С. 1; 9. С. 1]. Ключевым вектором развития объединения выступает создание суверенных механизмов финансового взаимодействия, зафиксированное в Казанской декларации 2024 года, которая провозгласила курс на системную реформу международной финансовой архитектуры и расширение использования национальных валют [5. С. 75; 9. С. 1]. Такое движение представляет собой прямой вызов монополии доллара и выступает действенным инструментом защиты от экстерриториального санкционного давления, что органично дополняет процесс вторичной деколонизации Мирового большинства [5. С. 75; 6. С. 87].

В то же время Соединенные Штаты в рамках Стратегии национальной безопасности 2025 года переосмысливают свою роль в международных институтах, открыто заявляя о приоритете защиты собственного суверенитета

от «растворяющих» его транснациональных организаций [15. С. 6, 9]. Вашингтон подчеркивает, что участие в международных структурах оправдано лишь в той мере, в какой они способствуют продвижению американских интересов, при этом администрация США готова решительно реформировать или покидать площадки, препятствующие реализации национального курса [15. С. 9]. Представляется важным отметить, что подобный подход усиливает тенденцию к регионализации, выраженную в росте влияния Шанхайской организации сотрудничества, АСЕАН и Евразийского экономического союза, которые институционализируют многообразие и создают мозаику региональных норм безопасности [1. С. 37; 6. С. 176]. Эти интеграционные проекты позволяют учитывать специфику участников значительно эффективнее универсалистских схем прошлого, превращая международные институты в арену конкуренции концепций развития и борьбы за смысловое наполнение базовых принципов права [10. С. 1; 13. С. 15].

Несмотря на острые кризисные явления, Организация Объединенных Наций сохраняет свою роль центрального элемента архитектуры, поскольку именно Устав ООН остается единственным легитимным источником международного права, закрепляющим суверенное равенство всех государств [5. С. 72; 8. С. 1]. Тем не менее легитимность глобальных институтов в долгосрочной перспективе будет напрямую зависеть от их способности адаптироваться к новой расстановке сил через расширение представительства стран Африки, Латинской Америки и Азии в Совете Безопасности [11. С. 1; 13. С. 15]. Следовательно, переход к полицентричности требует не разрушения существующих структур, а их глубокой трансформации в сторону полифонической модели, где каждый цивилизационный центр обладает правом голоса в определении контуров общего будущего. Аргументированным итогом данного раздела является признание БРИКС в качестве универсальной платформы, где отрабатываются механизмы инклюзивного взаимодействия субъектов, разделяющих ценности суверенного равенства и неприятия любой формы гегемонии.

Сценарное моделирование глобальной динамики и стратегические приоритеты развития России. Системный анализ экспертно-прогностических материалов и докладов ведущих аналитических центров позволяет выделить три базовые траектории эволюции международной системы на горизонте 2035-2040 годов. Наиболее благоприятным, хотя и труднодостижимым сценарием представляется полицентричная нормализация, предполагающая постепенное признание коллективным Западом необратимости происходящих перемен и выработку новых правил мирного сосуществования различных цивилизационных платформ. Реализация данного варианта потребует не только глубокой реформы Организации Объединенных Наций и Бреттон-Вудских институтов, но и готовности ключевых геополитических игроков к долгосрочным компромиссам по фундаментальным вопросам безопасности.

В качестве альтернативного вектора развития выступает сценарий новой биполярности, подразумевающий кристаллизацию двух жестко противостоящих

блоков в лице консолидированного Запада и Большой Евразии, что неизбежно будет характеризоваться перманентными прокси-конфликтами и экономической фрагментацией. Вместе с тем высокая сложность современных производственных цепочек и независимая позиция таких значимых игроков, как Индия, делают полную блоковую герметизацию крайне затруднительной на практике.

Наиболее вероятным и одновременно опасным сценарием признается фрагментация, переходящая в управляемый хаос, при которой мир распадается на множество конкурирующих макрорегионов и техноэкономических блоков на фоне резкого снижения роли глобальных институтов. В этой модели стабильность поддерживается исключительно на региональном уровне локальными гегемонами, тогда как глобальное пространство превращается в арену конкуренции без правил, что требует от государств особой гибкости и применения «философии сложности» для навигации в условиях растущей конфликтности и сохраняющейся взаимосвязанности.

Условия и направления усиления субъектной роли России в новом миропорядке. Анализ теоретических подходов и результатов сценарного прогнозирования показывает, что масштаб влияния России на становление нового порядка не предопределен, а напрямую зависит от реализации целенаправленной государственной стратегии. Фундаментальным условием выступает укрепление внутренней основы могущества, поскольку способность государства проецировать влияние проистекает прежде всего из его экономической и технологической самодостаточности. Жизненно важным представляется ускоренное достижение технологического суверенитета в критических отраслях, таких как микроэлектроника и искусственный интеллект, что позволит сократить отставание от технологических лидеров и мобилизовать научный потенциал страны. Успешная структурная перестройка экономики и снижение зависимости от сырьевого экспорта позволят России перейти из категории «осажденной крепости» в статус одного из центров притяжения формирующегося полицентричного мира.

В геополитическом измерении ключевой задачей становится формирование и лидерство в альянсах вне западной орбиты, где Россия уже выступает одним из ключевых участников объединения БРИКС и интеграционных процессов в Евразии. Поддерживая институционализацию БРИКС и сопряжение евразийской интеграции с китайским проектом «Один пояс, один путь», Москва укрепляет костяк нового порядка и предотвращает свою изоляцию через создание плотной сети партнерств с ключевыми державами незападного мира. Особое значение приобретает поддержание равновесного треугольника Россия – Индия – Китай, а также инициативное создание новых многосторонних форматов по безопасности и экономике, где Россия выступала бы в роли главного архитектора.

Не менее значимым является идеологическое позиционирование, где российская дипломатия продвигает привлекательный образ «полифонического мира» как альтернативы однополярному диктату, позволяя конвертировать культурно-исторический капитал в широкую международную поддержку.

Для усиления своей роли России необходимо артикулировать универсально понятные принципы суверенного равенства и справедливости, избегая скатывания в цивилизационный изоляционизм и выступая защитником традиционного международного права от произвольного пересмотра его роли. Успешное выполнение миссии модератора диалога между различными культурами, подкрепленное инструментами мягкой силы, позволит конвертировать культурно-исторический капитал в политическую поддержку внешнеполитического курса.

Наконец, адаптация военной и дипломатической стратегии к условиям полицентризма требует гибкой перенастройки инструментов внешней политики, включая развитие асимметричных средств сдерживания и расширение посреднических усилий в региональных конфликтах. Россия способна повысить свой международный авторитет, выступая эффективным медиатором в кризисных зонах и предлагая рабочие решения глобальных проблем, активно действуя для продвижения этой альтернативной модели развития площадки многосторонних институтов, особенно в периоды своего председательства. Занимая проактивную позицию в сферах цифровой трансформации и климатической повестки, Россия подтверждает статус ответственного участника мировых процессов и новатора, способного предлагать справедливые модели технологического и экологического развития.

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать, что переход к полицентричному мироустройству является объективным и необратимым историческим процессом, обусловленным окончательным исчерпанием потенциала западоцентричной модели глобализации. Проведенный анализ стратегий ключевых акторов выявил глубокий онтологический конфликт между уходящей монополярностью и формирующейся мультиплексной реальностью, где гегемония одного государства уступает место конкурентной совместной эволюции нескольких крупных государств-цивилизаций.

Теоретическим ядром новой системы становится концепция полифонии, предполагающая равноправное взаимодействие суверенных акторов в рамках единого правового поля, очищенного от двойных стандартов и неокOLONIALных наслоений. БРИКС в этом процессе выполняет роль институциональной основы, предлагая альтернативную модель глобализации, лишенную признаков доминирования и ориентированную на защиту интересов Мирового большинства. Для России период глобальной турбулентности открывает уникальное окно возможностей для конвертации исторического и ресурсного капитала в статус одного из гарантов глобальной реконфигурации. Будущее мироустройство видится не как унифицированная система под управлением единого центра, а как сложная экосистема регионов и цивилизаций, находящаяся в постоянном диалоге и поиске баланса интересов, где Россия выполняет историческую миссию гаранта справедливости и культурного многообразия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бажанова Е.С.** Подходы ведущих мировых держав к формированию нового мирового порядка // Этносоциум. 2023. № 7 (181).
2. **Бахтин М.М.** Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Питер, 2024. 416 с.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 31.03.2023 № 229) // Собрание законодательства РФ. 2023.
4. **Кортунов А.В.** Многополярность и многосторонность: два измерения будущего миропорядка // Российский совет по международным делам. 2024.
5. **Лавров С.В.** Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 4.
6. **Медушевский Н.А.** Критика принципа деколонизации: в диалоге с книгой Олуфемии Тайво «Против деколонизации» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 1.
7. **Михайленко А.Н., Ровчак П.Ю.** Отношения России со странами Африки в контексте формирования нового мирового порядка. М.: МАКС Пресс, 2024.
8. **Путин В.В.** Выступление на пленарной сессии XXI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. // Президент России // <http://kremlin.ru/events/president/news/75508>.
9. **Путин В.В.** Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 2 октября 2025 г. // Президент России // <http://kremlin.ru/events/president/news/78134>.
10. **Acharya A.** The decline of the West and the rise of «the Rest» will lead to a new world order // Chatham House. 2025. 15 Sept.
11. African Union Commission. Agenda 2063: The Africa We Want. Addis Ababa, 2015.
12. **Borrell J.** Speech at the European Parliament debate on Foreign Policy interference // European External Action Service. 2023. 7 March.
13. **Jaishankar S.** The India Way: Strategies for an Uncertain World. New Delhi: HarperCollins, 2020.
14. **Macron E.** Europe must resist pressure to become «America's followers» // Politico. 2023. 9 April.
15. National Security Strategy of the USA. Washington, DC: The White House, 2025. November.
16. **Waltz K.N.** Theory of International Politics. New York: McGraw Hill, 1979.

P.YU. ROVCHAK

Ph.D. in Political Science

Moscow, Russia

THEORETICAL AND CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE EMERGING POLYCENTRIC WORLD ORDER AND PRIORITIES FOR STRENGTHENING RUSSIA'S SUBJECTIVITY

The modern architecture of international relations is undergoing a period of profound tectonic shifts, comparable in scale to the collapse of the Westphalian system. This transformation is characterized by the definitive exhaustion of the unipolar model's potential and the transition to a polycentric order. The process is accompanied by an acute conflict between liberal-democratic universalism and the reality of the world's cultural and historical diversity, necessitating a rethinking of theoretical approaches to international security.

The aim of this study is a comprehensive systemic reconstruction of the foundations of the emerging world order, the development of long-term scenario models of its evolution up to 2040, and the definition of strategic priorities for strengthening Russia's subjectivity based on these findings. The work aims to identify opportunities for the coexistence of diverse value systems under conditions of radical changes in the strategies of leading geopolitical actors.

The methodological framework of the study is based on a synthesis of the systems approach and comparative discourse analysis of current doctrinal documents of Russia, China, the USA, and the Global South. The study reveals deep contradictions between the Western concept of a «rules-based order» and the forming polycentric model, which relies on the sovereignty of civilization-states. The transition of the USA to the «America First 2.0» doctrine and the «Trump Corollary,» legitimizing hard mercantilism, is analyzed. The role of BRICS as a laboratory for the new world order and a factor in the secondary decolonization of the Global Majority is clarified.

The thesis regarding the objective and irreversible nature of the transition to a multiplex reality is substantiated. Based on scenario modeling, priorities for strengthening Russia's subjectivity are formulated. It is concluded that civilizational identity must be converted into technological and financial sovereignty.

Key words: World Order, Polycentricity, Multiplexity, Civilization-State, BRICS, Global South, Secondary Decolonization, Polyphony, Russia's Subjectivity.